
РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫХ МЕЗОРЕГИОНОВ В ПРЕДЕЛАХ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

А. Г. Манаков
И. Н. Красильникова
И. А. Иванов

Псковский государственный университет
180000, Россия, Псков, пл. Ленина, 2

Поступила в редакцию: 29.08.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-5
© Манаков А. Г., Красильникова И. Н.,
Иванов И. А., 2022

Трансграничный туристский поток в Балтийском регионе вследствие пандемии COVID-19 в 2020—2021 годах испытал значительное падение, по некоторым направлениям достигающее десятков раз. Основной задачей исследования является классификация трансграничных туристско-рекреационных регионов мезоуровня в Балтийском регионе по величине турпотока в 2019 году. Также дана оценка сокращения величины турпотока в трансграничных туристско-рекреационных регионах в 2020—2021 годах, что составляет научную новизну работы. Результат исследования — распределение 16 выделенных в Балтийском регионе трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов по трем порядкам в зависимости от величины турпотока в 2019 году. К первому порядку (с количеством прибытий свыше 500 тыс.) отнесены четыре мезорегиона, три из которых находятся на юго-западе Балтийского региона. Девять мезорегионов отнесены ко второму порядку (с количеством прибытий от 100 до 500 тыс.), три мезорегиона — к третьему порядку (с количеством прибытий от 50 до 100 тыс.). Наибольшее сокращение турпотока в 2020—2021 годах. пришлось на мезорегионы, в формировании которых принимали участие Швеция и Россия, наименьшее падение — с участием Дании, Германии, Финляндии, Эстонии и Латвии. Полученные результаты исследования позволяют в перспективе отслеживать процесс восстановления трансграничных турпотоков в странах Балтийского региона.

Ключевые слова:

трансграничный регион, иерархия регионов, туристский поток, ночевки туристов, COVID-19

Введение

Трансграничный туризм, как и международный туризм в целом, в 2020—2021 годах оказался в состоянии глубочайшего кризиса, связанного с введением государствами ограничений на пересечение границ после объявления пандемии COVID-19.

Для цитирования: Манаков А. Г., Красильникова И. Н., Иванов И. А. Опыт классификации трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов в пределах Балтийского региона // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 1. С. 75—89. doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-5.

Во всех трансграничных туристско-рекреационных регионах, выделяемых в пределах Балтийского региона, величина турпотока в этот период сократилась в разы или даже в десятки раз. Сейчас едва ли кто-то сможет ответить на вопрос, сколько потребуется времени, чтобы трансграничные туристско-рекреационные регионы вышли на уровень своей пиковых показателей по объему турпотока, достигнутых в 2019 году.

Регион исследования охватывает полностью или частично территории 11 стран, 9 из которых имеет непосредственный выход к Балтийскому морю. К ним добавляются две страны, которые также нередко относят к Балтийскому региону, — Норвегия и Беларусь [1, с. 68]. В нашем случае включение двух последних стран в регион исследования объясняется значительной длиной границы с ними территорий, входящих в Балтийский регион в «узком смысле» [1, с. 74]. Таким образом, изучены трансграничные туристско-рекреационные регионы (ТТРП) мезуровня, расположенные как на смежных территориях основной девятки стран Балтийского региона, так и на внешних границах региона, рассмотренного в «узком понимании».

Предмет исследования — величина туристского обмена в пределах ТТРП Балтийского региона в 2019—2021 годах.

Целью исследования является определение количественных критериев классификации трансграничных туристско-рекреационных регионов мезуровня в Балтийском регионе по величине турпотока в 2019 году и оценка сокращения величины турпотока в них из-за пандемии COVID-19 в 2020—2021 годах.

Задачи исследования:

- выявление и определение границ ТТРП мезуровня в Балтийском регионе, их классификация по величине трансграничного туристского обмена в 2019 году;
- оценка величины трансграничного туробмена в границах выделенных ТТРП мезуровня с середины 2020 по середину 2021 году;
- группировка ТТРП по изменению трансграничного туристского обмена в 2020—2021 годах по сравнению с 2019 годом.

В качестве информационной базы исследования выступают находящиеся в открытом доступе данные статистических служб 11 стран: Норвегии¹, Швеции², Финляндии³, Дании⁴, Германии⁵, Польши⁶, Беларуси⁷, России⁸, Литвы⁹, Латвии¹⁰ и Эсто-

¹ StatBank Norway, 2021, available at: <https://www.ssb.no/en/statbank/> (accessed 14.08.2021).

² Statistical database, 2021, Statistics Sweden, available at: <http://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/> (accessed 14.08.2021).

³ Statistics Service Rudolph, 2021, Visit Finland, available at: http://visitfinland.stat.fi/PXWeb/pxweb/en/VisitFinland/VisitFinland__Majoitustilastot/visitfinland_matk_pxt_116n.px/ (accessed 14.08.2021).

⁴ StatBank Denmark, 2021, available at: <https://www.statbank.dk/statbank5a/SelectVarVal/Define.asp?Maintable=TURIST&PLanguage=1> (accessed 14.08.2021).

⁵ Database of the Federal Statistical Office of Germany, 2021, available at: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online?operation=sprachwechsel&language=en> (accessed 14.08.2021).

⁶ GUS — Bank Danych Lokalnych, 2021, Statistics Poland, available at: <https://bdl.stat.gov.pl/BDL/pomoc/stanzasilenia?active=2#> (accessed 14.08.2021).

⁷ Tourism, 2021, National Statistical Committee of the Republic of Belarus, available at: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/turizm/> (accessed 14.08.2021) (in Rus.).

⁸ EMISS. State statistics of Russia, 2021, available at: <https://fedstat.ru/> (accessed 14.08.2021).

⁹ Indicators database, 2021, Lithuania official statistics portal, available at: <https://osp.stat.gov.lt/statistiniu-rodikliu-analize/> (accessed 14.08.2021).

¹⁰ Latvijas oficiālā statistika, 2021, Oficiālās statistikas portāls, available at: https://data.stat.gov.lv/pxweb/en/OSP_PUB/ (accessed 14.08.2021).

нии¹¹, а также трех статистических служб земель Германии: Шлезвиг-Гольштейна и Гамбурга¹², Мекленбурга-Передней Померании¹³ и Бранденбурга и Берлина¹⁴. Используются региональные месячные или квартальные данные по ночевкам иностранных туристов, а в случае отсутствия таковых — оценена месячная динамика ночевки по стране в целом. Для Беларуси ввиду отсутствия месячных данных использованы годовые данные за 2020 год.

Степень изученности проблемы

Трансграничный туризм как важный фактор интеграции регионов, разделенных государственной границей, стал наиболее активно изучаться в последние два десятилетия [2; 3]. Отметим работы по исследованию трансграничного туризма в разных частях Балтийского региона: на российско-финляндской границе — А. Хонканена, К. Питканен, М. С. Холла [4], С. В. Кондратьевой (Степановой) [5—7] и др.; на финляндско-шведской границе — Е.-К. Прокколы [8; 9]; в приграничных районах скандинавских стран (Норвегия, Швеция, Дания) и Германии — Л. Опстада, Р. Хаммервольд, Дж. Идсе [10], Дж. Гросе, К. Фертнера, Т. А. Карстенсен [11]; на германско-польской границе — М. Вецковского и Д. Дж. Тимоти [12]; на польско-белорусской границе — А. Цяргенко [13]; на польско-российской границе — Р. Анисевич, Т. Пальмовски [14], Т. Студзенецкого, Т. Пальмовски, В. Корнеевца [15] и др.

Достаточно много работ российских исследователей посвящено выделению и изучению с разных позиций трансграничных туристско-рекреационных регионов, находящихся на границе России с Финляндией [16], Эстонией и Латвией [17—19], Республикой Беларусь [20], Литвой и Польшей [21]. И наконец, отдельно нужно отметить труды Е. Г. Кропиновой [22; 23], посвященные выделению и описанию трансграничных туристско-рекреационных регионов мезоуровня в пределах всего Балтийского региона. Именно в этих работах были обозначены признаки трансграничного туристско-рекреационного регионообразования, на которые опирается наше исследование.

Ранее нами была разработана классификация трансграничных туристско-рекреационных регионов мезоуровня по величине трансграничного туробмена, которая была апробирована в юго-восточной части Балтийского региона [24] и для ТТРП, в формировании которых участвует Швеция [25]. При изучении географии туристского потока в Швеции нами затрагивались также вопросы влияния на объем турпотока в 2020 году пандемии COVID-19. Более глубокий анализ такого влияния, включая и рассмотрение изменений в пространственной структуре туристского потока, был осуществлен применительно к Финляндии и Эстонии [26].

Работы по изучению влияния пандемии COVID-19 на географию туризма конкретной страны или региона являются достаточно редкими: например, отметим исследование, проведенное в Польше сразу после объявления пандемии в 2020 году [27]. Чаще эта проблема рассматривается в мировом масштабе и обычно

¹¹ Statistical database, 2021, Statistics Estonia, available at: <https://andmed.stat.ee/en/stat> (accessed 14.08.2021).

¹² Beherbergung im Reiseverkehr in Schleswig-Holstein, 2021, Statistikamt Nord, available at: <https://www.statistik-nord.de/zahlen-fakten/handel-tourismus-dienstleistungen/tourismus/dokumentenansicht/product/6304/beherbergung-im-reiseverkehr-in-schleswig-holstein-64?cHash=e5b8bab6e791dc5c9d95544f1e7eec26> (accessed 14.08.2021).

¹³ Landesamt für innere Verwaltung Statistisches Amt. Mecklenburg-Vorpommern, 2021, available at: <https://www.laiv-mv.de/Statistik/Zahlen-und-Fakten/Wirtschaftsbereiche/Gastgewerbe-und-Tourismus> (accessed 14.08.2021).

¹⁴ Statistik Berlin Brandenburg, 2021, available at: <https://www.statistik-berlin-brandenburg.de/archiv/g-iv-1-m> (accessed 14.08.2021).

касается оценки перспектив развития международного туризма с учетом фактора пандемии [28]. Таким образом, научную новизну данного исследования представляет как сама классификация ТТРП мезоуровня в Балтийском регионе по величине туристского потока, так и изучение влияния пандемии COVID-19 на изменение величины трансграничного туристского обмена в ТТРП в 2020—2021 годах.

Результаты исследования и их обсуждение

Е. Г. Кропинова [23] предложила иерархию ТТРП, включающую три основных уровня: макро- (Балтийский макрорегион), мезо- и микроуровень. Ранее нами была предложена классификация ТТРП мезоуровня по степени сформированности исходя из количества пересечений в год границ внутри ТТРП [24]. Данная классификация включала следующие количественные критерии: степень сформированности ТТРП мезоуровня с количеством пересечений границы свыше 500 тыс. в год предлагалось считать «высокой», от 100 до 500 тыс. в год — «выше средней», от 50 до 100 тыс. в год — «средней». В случае количества пересечений границы менее 50 тыс. в год ТТРП рассматривались в более низкой категории — микроуровня. В итоге на юго-востоке Балтийского региона нами было выделено 6 ТТРП мезоуровня [24] и еще 6 мезорегионов — на границе Швеции с другими странами Балтийского региона [25], которые распределены по трем уровням (порядкам) в зависимости от величины туристского обмена в них по состоянию на 2019 г.

В данном исследовании в пределах Балтийского региона нами рассмотрено 16 ТТРП мезоуровня (табл. 1). К ранее обозначенным нами 12 ТТРП мезоуровня [24; 25] добавлены еще два, расположенные на российско-финляндской границе [16], кроме того, из немецко-датско-шведского ТТРП выделен отдельно южный шведско-норвежский мезорегион, а также добавлен не рассматриваемый ранее немецко-польский мезорегион. Для сравнения можно привести количество трансграничных мезорегионов, выделенных в пределах Балтийского региона В. С. Корневцом, — 17 [29, с. 19], но в большинстве своем они имеют иной состав. Е. Г. Кропинова обозначила всего восемь ТТРП мезоуровня [23, с. 120], хотя ею была рассмотрена в основном восточная часть Балтийского региона и в список вошел всего лишь один ТТРП мезоуровня с участием Швеции.

Таблица 1

Количество ночевок иностранных туристов в 2019 году, в период с середины 2020 года по середину 2021 года в пределах ТТРП мезоуровня, динамика ночевок с 2019 по 2020/2021 год, порядок ТТРП мезоуровня по объему турпотока в 2019 году

Трансграничный туристско-рекреационный регион мезоуровня	Количество ночевок иностранных туристов в ТТРП, тыс.		Динамика ночевок с 2019 по 2020/2021 годы, %	Количество прибытий в 2019 году, тыс. (оценка)	Порядок ТТРП по объему турпотока в 2019 году
	2019 год	сер. 2020 — сер. 2021 годов			
Шведско-норвежско-финский	786,5	178,9	-77,2	391,7	2-й
Средний шведско-финский	100,3	23,8	-76,3	50,5	3-й
Средний шведско-норвежский	376,3	22,1	-94,1	184,8	2-й
Южный шведско-норвежский	764,7	68,1	-91,1	378,3	2-й
Южный шведско-финский	454,8	45,3	-90,0	214,8	2-й
Шведско-норвежско-датский	3383,4	590,0	-82,6	1439,1	1-й
Немецко-датско-шведский	6386,0	2688,6	-57,9	2089,5	1-й
Немецко-польский	4220,5	1609,6	-61,9	1711,9	1-й
Российско-польско-литовский	291,6	20,5	-93,0	121,1	2-й
Польско-литовско-белорусский	799,7	98,2	-87,7	356,3	2-й
Эстонско-латвийский	318,3	154,0	-51,6	161,6	2-й

Окончание табл. 1

Российско-эстонско-латвийский	146,7	28,6	-80,5	70,7	3-й
Эстонско-финский	1430,9	368,0	-74,3	732	1-й
Российско-эстонский	459,5	20,1	-95,6	232,3	2-й
Российско-финский южный	541,5	12,2	-97,7	242,7	2-й
Российско-финский северный	147,1	1,9	-98,7	64,2	3-й

По величине турпотока из соседних стран по статистике за 2019 год был составлен перечень административных единиц, входящих в данные ТТТР. После определения границ ТТТР был подсчитан трансграничный туристский обмен в их пределах. Проблема подсчета связана с несовпадением показателей, которые используются в туристской статистике разных стран. Не во всех исследуемых государствах имеется статистика по прибытиям туристов по регионам, странам и месяцам. Несколько лучше ситуация по ночевкам туристов, поэтому вместо прибытий для сопоставимости статистики разных стран использованы данные по ним. Для сведения этих показателей в единую шкалу нами эмпирически был рассчитан коэффициент перевода показателя ночевки в количество прибытий. Данный коэффициент сильно различается по странам (табл. 2), но в среднем по Балтийскому региону составил 2,65.

Таблица 2

Коэффициент пересчета ночевки иностранных туристов в количество прибытий по странам Балтийского региона

Государство Балтийского региона	Коэффициент
Эстония	1,94
Латвия	1,98
Литва	2,14
Польша	2,5
Германия	2,27
Дания	4,04
Швеция	2,3
Норвегия	1,82
Финляндия	2,14
Россия	3,72
Беларусь	4,33
Средний в границах Балтийского региона	2,65

Некоторые страны не публикуют статистику по ночевкам в достаточном объеме. В Польше и Латвии в региональной статистике по туризму нет месячной динамики ночевки и прибытий туристов в разрезе по странам (только общее число иностранных туристов), поэтому число ночевки рассчитано на основе аналогичной месячной статистики по стране в целом. Для Беларуси ввиду полного отсутствия месячной статистики вместо данных за июль 2020 года — июнь 2021 года использовалась статистика за 2020 год, однако ввиду сравнительно небольшого числа прибытий в страну из Польши и Латвии эта погрешность существенно не влияет на результаты. В российской статистике средств размещения нет разделения по странам прибытия (только общее число иностранных туристов). Для 2019 года доли стран рассчитаны на основе показателя «число принятых иностранных туристов». Данные по въезду в страну с целью туризма со второго квартала 2020 года свидетельствуют о том, что туристский поток из исследуемых стран близок к нулю (действовали ограничения на въезд иностранных граждан в страну в связи с пандемией, с целью туризма въезд был запрещен), поэтому для данного периода турпоток в Россию признан нулевым.

Таким образом, была дана оценка количества прибытий иностранных туристов в каждом из 16 ТТТР мезоуровня по данным за 2019 год, на основании чего ТТТР были распределены по трем порядкам с опорой на количественные критерии, представленные выше: 1) мезорегионы первого порядка с количеством при-

бытий свыше 500 тыс.; 2) мезорегионы второго порядка с количеством прибытий от 100 до 500 тыс.; 3) мезорегионы третьего порядка с количеством прибытий от 50 до 100 тыс. В категорию мезорегионов первого порядка вошли четыре ТТРР, три из них находятся на юго-западе Балтийского региона (с участием Дании и Германии) и только один — в его восточной части (эстонско-финский ТТРР). Три ТТРР имеют относительно низкий показатель прибытий (средний шведско-финский, российско-финский северный и российско-эстонско-латвийский) и отнесены к мезорегионам третьего порядка. Все остальные ТТРР включены в категорию мезорегионов второго порядка (рис. 1).

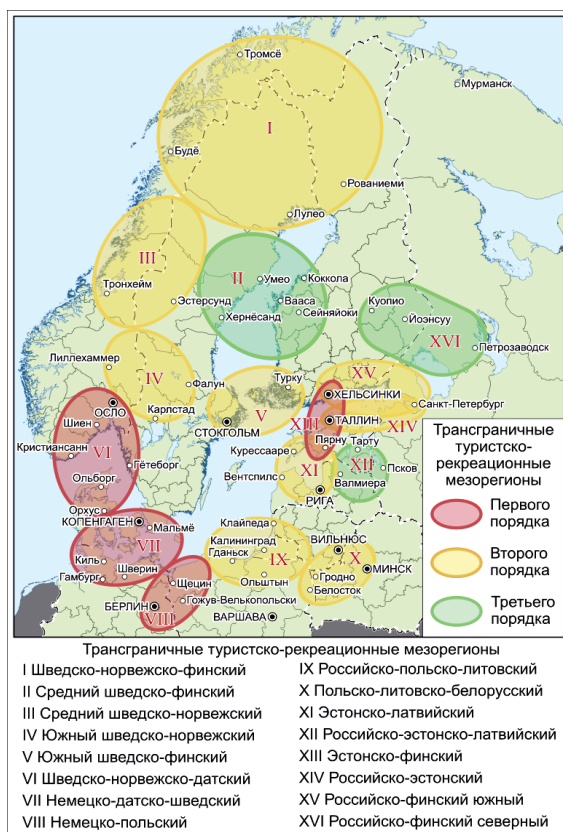

Рис. 1. Классификация ТТРР мезоуровня по величине туристского потока в 2019 году (составлено И. А. Ивановым)

В связи с тем что категория мезорегионов второго порядка оказалась наиболее многочисленной, их можно разбить на две группы по количеству прибытий: 1) от 300 до 500 тыс.; 2) от 100 до 300 тыс. Так, в первую группу мезорегионов второго порядка попадают три ТТРР: шведско-норвежско-финский, южный шведско-норвежский и польско-литовско-белорусский. Первые два из них расположены к западу от Балтийского моря, третий — к востоку. Но объединяет их то, что туробмен внутри данных ТТРР осуществляется исключительно через сухопутные границы. Во вторую группу входят оставшиеся шесть мезорегионов второго порядка.

Ниже представлена краткая характеристика всех 16 туристско-рекреационных мезорегионов, выделенных в пределах Балтийского региона.

1. Шведско-норвежско-финский мезорегион второго порядка (количество прибытий в 2019 году — 390 тыс.). Состав ТТРР: лен Норрботтен (Швеция), провин-

ция Лапландия (Финляндия), фюльке Трумс и Финнмарк, северная часть Нурланна (Норвегия). Структура трансграничного турпотока: норвежцы — 56 %, шведы и финны — по 22 %. Наиболее интенсивное направление — из Норвегии в Швецию (норвежские ночевки в шведском регионе Норрботтен составляют 47,5 % ночевки в ТТПР). Самый северный и самый большой по площади ТТПР в Балтийском регионе. Специализация региона — шопинг-туризм (в Норвегии более высокие цены на товары, чем в Швеции и Финляндии), культурно-познавательный, спортивный туризм (горнолыжные курорты в Лапландии).

II. Средний шведско-финский мезорегион третьего порядка (количество прибытий в 2019 году — 50 тыс.). Состав ТТПР: лены Вестерноррланд, Вестерботтен (восточная часть) (Швеция), провинции Остроботния, Центральная Остроботния, Южная Остроботния, Сатакунта (Финляндия). Структура трансграничного турпотока: финны — 58 %, шведы — 42 %. Регион разделен Кваркенским проливом в Ботническом заливе, развито паромное сообщение. В финской части региона распространён шведский язык. Специализация региона — культурно-познавательный туризм.

III. Средний шведско-норвежский мезорегион второго порядка (количество прибытий в 2019 году — 185 тыс.). Состав ТТПР: лены Емтланд, Вестерботтен (западная часть) (Швеция), фюльке Трёнделаг, южная часть Нурланна (Норвегия). Структура трансграничного турпотока: норвежцы — 80 %, шведы — 20 %. Специализация региона — шопинг-туризм.

IV. Южный шведско-норвежский мезорегион второго порядка (количество прибытий в 2019 году — около 380 тыс.). Состав ТТПР: лены Даларна, Верmland (Швеция), восточная часть фюльке Иннландет (Норвегия). Структура трансграничного турпотока: норвежцы — 75 %, шведы — 25 %. Специализация региона — шопинг-туризм.

V. Южный шведско-финский мезорегион второго порядка (количество прибытий в 2019 году — 215 тыс.). Состав ТТПР: лены Стокгольм, Уппсала (Швеция), провинции Аландские острова, Варсинайс-Суоми (Финляндия). Структура трансграничного турпотока: финны — 55 %, шведы — 45 %. Связь между частями ТТПР осуществляется паромным сообщением. Специализация региона — культурно-познавательный туризм, круизный туризм.

VI. Шведско-норвежско-датский мезорегион первого порядка (количество прибытий в 2019 году — свыше 1,4 млн). Состав ТТПР: лен Вестра-Гёталанд (Швеция), регионы Северная Ютландия, Центральная Ютландия (Дания), фюльке Осло, Вестфолл и Телемарк, Агдер, восточная часть фюльке Викиен (Норвегия). Структура трансграничного турпотока: норвежцы — 60 %, шведы — 24 %, датчане — 16 %. Сообщение через проливы Каттегат и Скагеррак осуществляется паромами. Специализация региона — культурно-познавательный туризм, круизный туризм, пляжный туризм.

VII. Немецко-датско-шведский мезорегион первого порядка (количество прибытий в 2019 году — свыше 2 млн). Состав ТТПР: регионы Ховенстаден (Столичный), Зеландия, Южная Дания (Дания), лен Сконе (Швеция), земли Шлезвиг-Гольштейн, Гамбург, Мекленбург-Передняя Померания (Германия). Структура трансграничного турпотока: немцы — 49 %, шведы — 26 %, датчане — 25 %. Специализация региона — культурно-познавательный туризм, пляжный туризм.

VIII. Немецко-польский мезорегион первого порядка (количество прибытий в 2019 году — свыше 1,7 млн). Состав ТТПР: земли Берлин, Бранденбург (Германия), Западно-Поморское и Любушское воеводства (Польша). Структура трансграничного турпотока: немцы — 86 %, поляки — 14 %. Специализация региона — культурно-познавательный туризм, пляжный туризм.

IX. Российско-польско-литовский мезорегион второго порядка «Юго-Восточная Балтика» (количество прибытий в 2019 году — 120 тыс.). Состав ТТРП: Калининградская область (Россия), Поморское и Варминско-Мазурское воеводства (Польша), Клайпедский, Таурагский и Мариямпольский уезды (Литва). Структура трансграничного турпотока: россияне — 68 %, литовцы — 18 %, поляки — 14 %. Специализация региона — шопинг-туризм, культурно-познавательный туризм.

X. Польско-литовско-белорусский мезорегион второго порядка (количество прибытий в 2019 году — более 350 тыс.). Состав ТТРП: Подляшское воеводство (Польша), Гродненская область, Минск, части Минской и Брестской областей (Беларусь), Вильнюсский и Алитусский уезды (Литва). Структура трансграничного турпотока: белорусы — 57 %, поляки — 36 %, литовцы — 7 %. Специализация региона — шопинг-туризм, культурно-познавательный туризм.

XI. Эстонско-латвийский мезорегион второго порядка (количество прибытий в 2019 году — 160 тыс.). Состав ТТРП: Рига и Пририжский регион, город Вентспилс (Латвия), уезды Сааремаа, Пярнумаа (Эстония). Структура трансграничного турпотока: эстонцы — 73 %, латыши — 27 %. Сообщение с островом Сааремаа осуществляется паромом из Эстонии. До 2008 года работала паромная переправа Вентспилс — о. Сааремаа. Специализация региона: культурно-познавательный туризм, пляжный туризм.

XII. Российско-эстонско-латвийский мезорегион третьего порядка (количество прибытий в 2019 году — 70 тыс.). Состав ТТРП: Псковская область (Россия), регион Видземе и город Сигулда (Латвия), уезды Тартумаа, Пылвамаа, Вырумаа, Валгамаа (Эстония). Структура трансграничного турпотока: латыши — 46 %, россияне — 44 %, эстонцы — 10 %. Специализация региона — культурно-познавательный туризм.

XIII. Эстонско-финский мезорегион первого порядка (количество прибытий в 2019 году — 730 тыс.). Состав ТТРП: Уусимаа (Финляндия), уезды Хартюмаа, Ляэнемаа, Рапламаа, Пярнумаа (Эстония). Структура трансграничного турпотока: финны — 92 %, эстонцы — 8 %. Сообщение между эстонской и финской частями — паромное и воздушное. Специализация региона — культурно-познавательный туризм, шопинг-туризм.

XIV. Российско-эстонский мезорегион второго порядка (количество прибытий в 2019 году — 230 тыс.). Состав ТТРП: Санкт-Петербург, частично Ленинградская область (Россия), уезды Ида-Вирумаа, Ляэне-Вирумаа, Хартюмаа (Эстония). Структура трансграничного турпотока: россияне — 96 %, эстонцы — 4 %. Специализация региона — культурно-познавательный туризм, шопинг-туризм.

XV. Российско-финский южный мезорегион второго порядка (количество прибытий в 2019 году — 240 тыс.). Состав ТТРП: Санкт-Петербург, частично Ленинградская область (Россия), Южная Карелия, Кюменлааксо, Пяйят-Хяме, Уусимаа, южная часть Южного Саво (Финляндия). Структура трансграничного турпотока: россияне — 90 %, финны — 10 %. Специализация региона — культурно-познавательный туризм, шопинг-туризм.

XVI. Российско-финский северный мезорегион третьего порядка (количество прибытий в 2019 году — около 65 тыс.). Состав ТТРП: южная часть Республики Карелия (Россия), Северная Карелия, Северное Саво, северная часть Южного Саво (Финляндия). Структура трансграничного турпотока: россияне — 84 %, финны — 16 %. Специализация региона — культурно-познавательный туризм, шопинг-туризм.

Представленные характеристики позволяют увидеть еще одну интересную особенность ТТРП мезоуровня — это асимметричность по количеству принимаемых в них туристов из соседней страны. Обычно данная характеристика связана с численностью населения стран, участвующих в формировании конкретных ТТРП. Фактически все ТТРП асимметричны в той или иной степени, но можно отметить тройку

ТТПР с наиболее ярко выраженной асимметричностью — это эстонско-финский мезорегион первого порядка, российско-эстонский и российско-финский южный мезорегионы второго порядка. В первом случае явный перевес в трансграничном обмене внутри ТТПР имеют туристы из Финляндии, в двух других случаях — из России.

Для оценки влияния пандемии COVID-19 на сокращение туристских потоков внутри ТТПР нами было осуществлено сравнение динамики турпотоков в ТТПР Балтийского региона по двум периодам: январь — декабрь 2019 года и июль 2020 — июнь 2021 года. Выбор второго временного интервала обусловлен спецификой динамики и структуры турпотоков в 2020 году: январь — март в целом соответствуют 2019 году (хотя уже в марте 2020 года наблюдалось сокращение турпотока, структура его в целом сохранялась), а на апрель — июнь приходится период локдауна в большинстве стран, и только к июлю 2020 года введенные ограничения были ослаблены вплоть до разрешения на въезд в страну из некоторых государств на усмотрение властей принимающей страны.

Сильнее всего туристский поток сократился в ТТПР, в формировании которых участвовали Швеция и Россия (рис. 2). Из России был ограничен свободный выезд за рубеж в страны Евросоюза (в первую очередь с целью туризма), а въезд граждан Швеции во многие страны Евросоюза был ограничен ввиду отсутствия локдауна и высокой заболеваемости в стране. В тройку ТТПР мезоуровня с наибольшим падением (свыше 95 %) величины турпотока в 2020—2021 годах по сравнению с 2019 годом вошли российско-эстонский и два российско-финских ТТПР. Падение турпотока от 90 до 95 % пережили российско-польско-литовский, южный шведско-финский, средний и южный шведско-норвежские ТТПР. На 80—90 % уменьшился турпоток в шведско-норвежско-датском, польско-литовско-белорусском и российско-эстонско-латвийском ТТПР.

Рис. 2. Группировка ТТПР мезоуровня по сокращению трансграничного турпотока в июле 2020 — июне 2021 года по сравнению с 2019 годом (составлено И. А. Ивановым)

В период пандемии COVID-19 примерно на три четверти сократился турпоток в эстонско-финском, шведско-норвежско-финском и среднем шведско-финском ТТРР. Почти на две трети уменьшился турпоток в немецко-польском ТТРР. Относительно более благополучными в этом плане остались эстонско-латвийский и немецко-датско-шведский ТТРР, испытавшие лишь двукратное падение турпотока.

Таким образом, наименьшее падение уровня турпотока продемонстрировали ТТРР с участием таких стран, как Дания, Германия, а также Латвия, Эстония и Финляндия. Последняя тройка стран стала участником эксперимента, получившего название «Балтийский туристический пузырь» (Baltic bubble), предполагавшего свободное перемещение внутри нескольких государств без необходимости самоизоляции. Первоначально участниками Baltic bubble стали страны Балтии, позже к ним подключились Финляндия и Польша.

Выводы

В результате проведенного исследования в пределах Балтийского региона были выделены 16 трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов, а также дана оценка количества прибытий туристов из соседних стран в каждом из них по данным за 2019 год. На основании данной оценки ТТРР мезоуровня были распределены по трем порядкам. В категорию мезорегионов первого порядка (с количеством прибытий свыше 500 тыс.) вошли четыре ТТРР, три из которых находятся на юго-западе Балтийского региона (с участием Дании и Германии) и один — в его восточной части (эстонско-финский ТТРР). Наиболее многочисленной является категория мезорегионов второго порядка (с количеством прибытий от 100 до 500 тыс.), куда вошло девять ТТРР. Три ТТРР (средний шведско-финский, российско-финский северный и российско-эстонско-латвийский) отнесены к мезорегионам третьего порядка (с количеством прибытий от 50 до 100 тыс.).

Для оценки влияния пандемии COVID-19 на сокращение туристских потоков внутри ТТРР в Балтийском регионе была проанализирована динамика турпотоков в ТТРР по двум периодам: январь — декабрь 2019 года и июль 2020 — июнь 2021 года. В результате было выявлено, что наибольшее сокращение турпотока пришлось на ТТРР, в формировании которых принимали участие Швеция и Россия. Наименьшее падение турпотока характеризовало ТТРР с участием Дании, Германии, а также Латвии, Эстонии и Финляндии. Последние три страны, а также Литва и Польша стали участниками проекта «Балтийский туристический пузырь» (Baltic bubble), предполагающего свободное перемещение внутри данной группы государств без необходимости самоизоляции.

Список литературы

1. Корнеевец, В. 2008, Понятия «страны Балтийского региона» и «Балтийский регион», *Космополис*, № 2, с. 68—77.
2. Timothy, D. J. 2001, *Tourism and political boundaries London*, Routledge, 240 p.
3. Cudny, W. 2009, Tourism and its role in the integration of divided regions, *Region and Regionalism*, № 9 (2), p. 161—166.
4. Honkanen, A., Pitkanen, K., Hall, M.C. 2016, A local perspective on cross-border tourism. Russian second home ownership in Eastern Finland, *International Journal of Tourism Research*, vol. 18, № 2, p. 149—158. doi: <https://doi.org/10.1002/jtr.2041>.
5. Степанова, С. В. 2019, Факторы развития приграничного туризма на смежных территориях России и Финляндии, *Псковский регионологический журнал*, № 4 (40), с. 106—114. doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310011766-5>.
6. Stepanova, S. V. 2019, The Northern Ladoga region as a prospective tourist destination in the Russian-Finnish borderland: historical, cultural, ecological and economic aspects, *Geographia Polonica*, vol. 92, № 4, p. 409—428. doi: <https://doi.org/10.7163/Gpol.0156>.

7. Stepanova, S. V. 2019, Factors underpinning the development of tourism in Russian-Finnish borderland areas, *Przegląd Geograficzny*, vol. 91, №4, p. 573—587. doi: <https://doi.org/10.7163/PrzG.2019.4.7>.
8. Prokkola, E.-K. 2007, Cross-border Regionalization and Tourism Development at the Swedish-Finnish Border: “Destination Arctic Circle”, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 7, №2, p. 120—138. doi: <https://doi.org/200710.1080/15022250701226022>.
9. Prokkola, E.-K. 2008, Resources and barriers in tourism development: cross-border cooperation, regionalization and destination building at the Finnish-Swedish border, *Fennia*, vol. 186, №1, p. 31—46.
10. Opstad, L., Hammervold, R., Idsø, J. 2021, The Influence of Income and Currency Changes on Tourist Inflow to Norwegian Campsites: The Case of Swedish and German Visitors, *Economies*, №9 (3). doi: <https://doi.org/10.3390/economies9030104>.
11. Große, J., Fertner, C., Carstensen, T. A. 2019, Compensatory leisure travel? The role of urban structure and lifestyle in weekend and holiday trips in Greater Copenhagen, *Case Studies on Transport Policy*, vol. 7, №1, p. 108—117. doi: <https://doi.org/10.1016/j.cstp.2018.12.004>.
12. Więckowski, M., Timothy, D. J. 2021, Tourism and an evolving international boundary: Bordering, debordering and rebordering on Usedom Island, Poland-Germany, *Journal of Destination Marketing & Management*, №22. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2021.100647>
13. Syargeenka, A. 2021, Changes in cross-border tourist traffic on the Poland—Belarus border, as exemplified by the Augustów Canal, *Tourism*, vol. 31, №1, p. 57—68. doi: <https://doi.org/10.18778/0867-5856.31.1.17>.
14. Anisiewicz, R., Palmowski, T. 2014, Small Border Traffic and Cross-Border Tourism Between Poland and the Kaliningrad Oblast of the Russian Federation, *Quaestiones Geographicae*, №33 (2), p. 79—86.
15. Studzieniecki, T., Palmowski, T., Korneevets, V. 2016, The System of Cross-border Tourism in the Polish-Russian Borderland, *Procedia Economics and Finance*, №39, p. 545—552.
16. Манаков, А. Г., Кондратьева, С. В., Теренина, Н. К. 2020, Оценка степени сформированности трансграничных туристско-рекреационных регионов на карельском участке российско-финляндской границы, *Балтийский регион*, Т. 12, №2, с. 140—152. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-9>.
17. Голомидова, Е. С. 2018, Трансграничный туристско-рекреационный микрорегион «Нарвский»: специфика формирования и перспективы развития, *Псковский регионологический журнал*, №3 (35), с. 108—115.
18. Голомидова, Е. С. 2020, Перспективы развития трансграничных туристско-рекреационных регионов на порубежье России с Эстонией и Латвией, *Псковский регионологический журнал*, №2 (42), с. 124—135. doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310008585-6>.
19. Голомидова, Е. С., Чученкова, О. А., Васильева, Т. В. 2020, Природное и культурное наследие как ресурс развития трансграничного туризма на смежных территориях России, Эстонии и Латвии, *Псковский регионологический журнал*, №3 (45), с. 117—139. doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310010375-5>.
20. Голомидова, Е. С. 2019, Трансграничный туристско-рекреационный регион мезоуровня «Южнопсковско-Витебский»: специфика формирования и перспективы развития, *Псковский регионологический журнал*, №4 (40), с. 96—105. doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310011765-4>.
21. Кропинова, Е. Г. 2014, Проект «Перекрестки 2.0» в формировании трансграничного туристского региона Юго-Восточной Балтики, *Псковский регионологический журнал*, №17, с. 53—59.
22. Кропинова, Е. Г. 2010, Международная кооперация в сфере туризма и формирование трансграничных туристских регионов на Балтике, *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*, №1, с. 113—119.
23. Кропинова, Е. Г. 2016, *Трансграничные туристско-рекреационные регионы на Балтике*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, 272 с.
24. Манаков, А. Г., Иванов, И. А., Чученкова, О. А. 2021, Классификация трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов в юго-восточной части Балтийского макрорегиона, *Региональные исследования*, №1, с. 118—129. doi: <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2021-1>.
25. Манаков, А. Г., Красильникова, И. Н., Иванов, И. А. 2021, География въездного туризма и трансграничное туристско-рекреационное регионообразование в Швеции, *Балтийский регион*, vol. 13, №1, с. 108—123. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-1-6>.

26. Ivanov, I. A., Golomidova, E. S., Terenina, N. K. 2021, Influence of the COVID-19 Pandemic on the Change in Volume and Spatial Structure of the Tourist Flow in Finland and Estonia in 2020, *Regional Research of Russia*, vol. 11, № 3, p. 361—366. doi: <https://doi.org/10.1134/S2079970521030059>.

27. Korinth, B., Ranasinghe, R. 2020, COVID-19 pandemic's impact on tourism in Poland in March 2020, *GeoJournal of Tourism and Geosites*, vol. 31, № 3, p. 987—990. doi: <https://doi.org/10.30892/gtg.31308-531>.

28. Daniela, M., Smaranda, T. 2020, The International Tourism and the COVID-19 Pandemic — Present and Perspectives, *“Ovidius” University Annals, Economic Sciences Series*, vol. 20, № 1, p. 433—438.

29. Корнеевец, В. С. 2010, *Формирование трансграничных мезорегионов на Балтике*, Калининград, Изд-во РГУ им. И. Канта, 80 с.

Об авторах

Андрей Геннадьевич Манаков, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: region-psk@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

Ирина Николаевна Красильникова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: mulia777@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0351-0327>

Иван Андреевич Иванов, аспирант кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: ii60@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4453-2052>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

TOWARDS A CLASSIFICATION OF TRANSBOUNDARY TOURIST AND RECREATION MESOREGIONS IN THE BALTIC REGION

A. G. Manakov

I. N. Krasilnikova

I. A. Ivanov

Pskov State University,
2 Lenin Sq., Pskov, Russia, 180000

Received 29.08.2021

doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-5

© Manakov, A. G., Krasilnikova, I. N., Ivanov, I. A., 2022

In the wake of the Covid-10 pandemic, the Baltic region saw a dramatic reduction in tourist flows in 2000—2021; the decrease was as much as tenfold in some destinations. This study aims to classify the 16 transboundary tourist and recreational mesoregions of the Baltic region

To cite this article: Manakov, A. G., Krasilnikova, I. N., Ivanov, I. A. 2022, Towards a classification of transboundary tourist and recreation mesoregions in the Baltic region, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no. 1, p. 75—89. doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-5.

according to 2019 tourist flows. The research evaluates, for the first time, the 2020–2021 decline in tourist flows across these regions. The main outcome of this study is grouping the mesoregions into three orders according to the size of 2019 tourist flows. Four mesoregions were assigned to the first order (with over 500,000 arrivals), three of them located in the southwest Baltic region; nine, the second order (from 100,000 to 500,000 arrivals); three, the third order (from 50,000 to 100,000 arrivals). The most substantial fall in tourist flows occurred in 2020–2021 in the mesoregions including Sweden and Russia and the least marked in those involving Denmark, Germany, Finland, Estonia and Latvia. The findings may help track the future restoration of transboundary tourist flows in the countries of the Baltic region.

Keywords:

cross-border region, hierarchy of regions, tourist flow, tourist overnight stays, COVID-19

References

1. Korneevets, V. 2008, The concepts of “countries of the Baltic region” and “Baltic region”, *Cosmopolis*, no. 2, p. 68–77 (In Russ.).
2. Timothy, D. J. 2001, *Tourism and political boundaries* London, Routledge, 240 p.
3. Cudny, W. 2009, Tourism and its role in the integration of divided regions, *Region and Regionalism*, no. 9 (2), p. 161–166.
4. Honkanen, A., Pitkanen, K., Hall, M. C. 2016, A local perspective on cross-border tourism. Russian second home ownership in Eastern Finland, *International Journal of Tourism Research*, vol. 18, no. 2, p. 149–158. doi: <https://doi.org/10.1002/jtr.2041>.
5. Stepanova, S. V. 2019, Factors of development of border tourism in related territories of Russia and Finland, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no. 4 (40), p. 106–114. doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310011766-5> (In Russ.).
6. Stepanova, S. V. 2019, The Northern Ladoga region as a prospective tourist destination in the Russian-Finnish borderland: historical, cultural, ecological and economic aspects, *Geographia Polonica*, vol. 92, no. 4, p. 409–428. doi: <https://doi.org/10.7163/Gpol.0156>.
7. Stepanova, S. V. 2019, Factors underpinning the development of tourism in Russian-Finnish borderland areas, *Przegląd Geograficzny*, vol. 91, no. 4, p. 573–587. doi: <https://doi.org/10.7163/PrzG.2019.4.7>.
8. Prokkola, E.-K. 2007, Cross-border Regionalization and Tourism Development at the Swedish-Finnish Border: “Destination Arctic Circle”, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 7, no. 2, p. 120–138. doi: <https://doi.org/200710.1080/15022250701226022>.
9. Prokkola, E.-K. 2008, Resources and barriers in tourism development: cross-border cooperation, regionalization and destination building at the Finnish-Swedish border, *Fennia*, vol. 186, no. 1, p. 31–46.
10. Opstad, L., Hammervold, R., Idsø, J. 2021, The Influence of Income and Currency Changes on Tourist Inflow to Norwegian Campsites: The Case of Swedish and German Visitors, *Economies*, no. 9 (3). doi: <https://doi.org/10.3390/economies9030104>.
11. Große, J., Fertner, C., Carstensen, T. A. 2019, Compensatory leisure travel? The role of urban structure and lifestyle in weekend and holiday trips in Greater Copenhagen, *Case Studies on Transport Policy*, vol. 7, no. 1, p. 108–117. doi: <https://doi.org/10.1016/j.cstp.2018.12.004>.
12. Więckowski, M., Timothy, D. J. 2021, Tourism and an evolving international boundary: Bordering, debordering and rebordering on Usedom Island, Poland-Germany, *Journal of Destination Marketing & Management*, no. 22. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2021.100647>
13. Cyargeenka, A. 2021, Changes in cross-border tourist traffic on the Poland–Belarus border, as exemplified by the Augustów Canal, *Tourism*, vol. 31, no. 1, p. 57–68. doi: <https://doi.org/10.18778/0867-5856.31.1.17>.
14. Anisiewicz, R., Palmowski, T. 2014, Small Border Traffic and Cross-Border Tourism Between Poland and the Kaliningrad Oblast of the Russian Federation, *Quaestiones Geographicae*, no. 33 (2), p. 79–86.
15. Studzieniecki, T., Palmowski, T., Korneevets, V. 2016, The System of Cross-border Tourism in the Polish-Russian Borderland, *Procedia Economics and Finance*, no. 39, p. 545–552.

16. Manakov, A., Kondrateva, S., Terenina, N. 2020, Development of cross-border tourist and recreational regions on the Karelian section of the Russian-finnish border, *Balt. Reg.*, vol. 12, no. 2, p. 140—152. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-9>.

17. Golomidova, E. S. 2018, Cross-border tourist and recreational micro-region “Narvsky”: the specifics of formation and development prospects, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no. 3 (35), p. 108—115 (In Russ.).

18. Golomidova, E. S. 2020, Prospects for the development of cross-border tourist and recreational regions on the border of Russia with Estonia and Latvia, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no. 2 (42), p. 124—135 (In Russ.). doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310008585-6>.

19. Golomidova, E. S., Chuchenkova, O. A., Vasilyeva, T. V. 2020, Natural and cultural heritage as a resource for the development of cross-border tourism in the adjacent territories of Russia, Estonia and Latvia, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no. 3 (43), p. 117—139 (In Russ.). doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310010375-5>.

20. Golomidova, E. S. 2019, Transboundary tourist and recreational region of the meso-level “Yuzhnopskovsko-Vitebsky”: the specifics of formation and development prospects, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no 4 (40), p. 96—105 (In Russ.). doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310011765-4>.

21. Kropinova, E. G. 2014, “Crossroads 2.0” project in the formation of a cross-border tourism region of the South-Eastern Baltic, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no. 17, p. 53—59 (In Russ.).

22. Kropinova, E. G. 2010, International cooperation in the field of tourism and the formation of cross-border tourist regions in the Baltic, *Vestnik BFU im. I. Kanta. Seriya: Estestvennye i meditsinskie nauki* [Vestnik IKBFU. Natural and medical sciences], no. 1, p. 113—119 (In Russ.).

23. Kropinova, E. G. 2016, *Transgranichny`e turistsko-rekreacionny`e regiony` na Baltike* [Transboundary tourist and recreational regions in the Baltic], Kaliningrad, Immanuel Kant Russian State University, 272 p. (In Russ.).

24. Manakov, A. G., Ivanov, I. A., Chuchenkova, O. A. 2021, Classification of transboundary tourist and recreational mesoregions in the southeastern part of the Baltic macroregion, *Regional'ny`e issledovaniya* [Regional studies], no. 1, p. 118—129. doi: <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2021-1> (In Russ.).

25. Manakov, A., Krasilnikova, I., Ivanov, I. 2021, Geography of inbound tourism and transboundary tourism-and-recreation region-building in Sweden, *Balt, Reg.*, vol. 13, no. 1, p. 108—123. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-1-6>.

26. Ivanov, I. A., Golomidova, E. S., Terenina, N. K. 2021, Influence of the COVID-19 Pandemic on the Change in Volume and Spatial Structure of the Tourist Flow in Finland and Estonia in 2020, *Regional Research of Russia*, vol. 11, no. 3, p. 361—366. doi: <https://doi.org/10.1134/S2079970521030059>.

27. Korinth, B., Ranasinghe, R. 2020, COVID-19 pandemic's impact on tourism in Poland in March 2020, *GeoJournal of Tourism and Geosites*, vol. 31, no. 3, p. 987—990. doi: <https://doi.org/10.30892/gtg.31308-531>.

28. Daniela, M., Smaranda, T. 2020, The International Tourism and the COVID-19 Pandemic — Present and Perspectives, *“Ovidius” University Annals, Economic Sciences Series*, vol. 20, no. 1, p. 433—438.

29. Korneevets, V. S. 2010, *Formirovanie transgranichny`x mezoregionov na Baltike* [Formation of transboundary mesoregions in the Baltic], Kaliningrad, Immanuel Kant Russian State University, 80 p. (In Russ.).

The authors

Prof. Andrei G. Manakov, Department of Geography, Pskov State University, Russia.

E-mail: region-psk@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

Dr Irina N. Krasilnikova, Department of Geography, Pskov State University, Russia.

E-mail: mulia777@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0351-0327>

Ivan A. Ivanov, Postgraduate student, Pskov State University, Russia.

E-mail: ii60@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4453-2052>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))